

**Rite and Time:
The Inversion of Ritual Practices
in Historical and Cultural Perspective***

The dichotomy of yielding or resisting to changing circumstances and conditions, adaptability, and the potential to “humanize” the environment are becoming increasingly relevant among the many world problems that humanity is facing. The limits of our adaptivity and the human possibilities of preserving “selfhood,” interpreted through an appeal to the “bifurcation points” in history and culture, are the focus of *Quaestio Rossica* Nr. 4/2021. The previous issue raised the question of the integration and assimilation of Germans in Russia and their adaptation to their historical homeland in present-day conditions [Keller, Redin]. In this issue, the *Problema voluminis* section presents materials on the Jewish population of the ex-USSR in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The authors of these articles turn to conflict situations in which state policy and the majority of the population, as well, seemingly, as the logic of life itself, demanded acceptance of a new identity, dictated by the interests of the state and assumed out of a sense of self-preservation. All studies are based on extensive population surveys.

Elena Glavatskaya and *Elizaveta Zabolotnykh* (Yekaterinburg, Russia) examine the role of religion in maintaining Jewish identity through the lens of the Sverdlovsk Jewish community, the largest and most active in the Urals. Using the reports of the commissioner for religious affairs and field research materials, the authors reconstruct the metamorphosis of Jewish festive rituals in Sverdlovsk in the 1940s and 1950s. The vitality of these rituals, which underwent significant simplification under persecution, sustained the identity of those Jews who migrated to Israel and continued to celebrate the same Jewish holidays as during their Soviet childhood. *Vera Kliueva* (Tyumen, Russia) explores the two main ways Jewish ethnic identity co-existed with Soviet identity in the Soviet Union. The first was formed as a response to aggressive everyday and state-incited anti-Semitism; the means of resistance, however, was chosen individually. The second was constructed along family traditions existing throughout the Soviet period

* L. S. Soboleva’s work was financially supported by RSF Project No. 19–18–00186 “‘Culture of the Spirit’ vs ‘Culture of the Mind’: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the Era of Change (17th–18th Centuries)”.

Работа Л. С. Соболевой осуществлялась при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19–18–00186 «‘Культура духа’ vs ‘Культура разума’: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)».

(being named after relatives, observing certain elements of kashrut, and national cuisine).

Angela Skliar (Ariel, Israel) deals with the adaptation of ex-Soviet Jews in Israel. In the 1990s, they were faced with the need to abandon their hard-won “Soviet-Jewish” identity. The author examines in detail the attitude of Israeli society to the new “Russian Jews” in an attempt to impose local values and a new identity, as well as the unwillingness of a significant number of migrants to give up their “Soviet past” and the Russian language and culture. The researcher argues that preserving and using the language and culture of their country of origin in the process of adapting to Israeli culture and traditions was the best model for immigrants from the former Soviet Union to integrate culturally.

The same theme obtains a sharper edge within the question: “Victim vs Self-Sacrifice: Religion – Politics – Culture”. In modern Russian, the word “sacrifice” is polysemantic: according to the Ozhegov Dictionary, it means “an object or a living being (to be killed) offered to a deity as a gift, as well as offering this gift”, “voluntarily giving up somebody/anything for somebody’s benefit, self-sacrifice”, and “suffering from violence, misfortune, and bad luck”. This polysemy indicates the absence of linguistic reflection on the modalities and subjects of social interaction, as well as the special ideological significance of the concept of the victim in Russian culture. From the perspective of historical and cultural essentialism, Russia and the Russians are often ascribed a special propensity for sacrifice and self-sacrifice, thus providing a basis for comparing academic texts and ideas that at first glance seem very distant from each other.

In 1995, a book by the American Slavist Daniel Rancourt-Laferriere, *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*, was published in New York and became instantly famous, in particular for the fact that the author, following apocryphal accounts on Andrew the Apostle, believed that the Russian banya was “torment”: “The traditional submissiveness and self-destructiveness of the Russian slave mentality constitute a form of masochism,” which is expressed in the special importance of ideas of sacrifice and self-sacrifice [Rancour-Laferriere, p. 7]. Twenty years later, K. V. Tsekhanskaya published an article entitled “The Ideal of Sacrifice in Russian Spiritual Consciousness”, which was written in line with so-called “Orthodox ethnography”. Understanding “self-sacrifice” as “a special, previously unknown intellectual and spiritual state of a person professing Christ,” the researcher claims that “the phenomenon of self-sacrifice <...> has for centuries determined the original civilizational ethnotype of Russians.” It follows from the article that Russians, realizing their “religious and metaphysical exclusivity”, being engaged in “the historical guidance over hundreds of small and large nations” and taking on the messianic burden of “historical, cultural, and religious super tasks”, were forced to constantly “self-sacrificially co-crucify with Christ”, that is – in Rancourt-Laferrier’s terms – to cultivate moral and social masochism, which here was a kind of payment for messianic exclusivity [Цеханская]. The above authors, however, failed to find

significant confirmation of their theses in history, with the exception of the nineteenth and, especially, the twentieth centuries. Obviously, in an era when technologies of mass murder and persecution experienced unprecedented growth, there was a noticeable and culturally significant evolution in the secular “language” of sacrifice and martyrdom [see: Мінкова; ЗЫГМОНТ]. The formation and development of this language (both in Russia and in the global context) were predominantly conditioned by factors of a secular nature: the formation of nation states and identities, mass political mobilization, revolutions, and global wars.

The history of the Russian discourse on sacrifice and self-sacrifice is hardly unique; however, it certainly has its cultural and ideological specificities. The theme has been little studied; in the meanwhile, the anachronistic usage of these terms without taking into account cultural contexts muddies their meaning. It is important to note that the history of ideas about sacrifice and self-sacrifice, be it in an exclusively European or Russian context, should not be tackled as a linear, hereditary, or non-contradictory evolution of notions and practices. The articles offered in this issue demonstrate the complex, mosaic character of the “languages of sacrifice” in Russian culture throughout modernity.

A study by *Alexander Panchenko* (St Petersburg, Russia) pays attention to ideas of sacredness, sacrifice, and sacrilege in the context of ritual practices and narrative forms associated with village festive culture and the veneration of local shrines in the north and northwest of Russia. The image of sacrifice in this context does not indicate aggression and violence, but rather the exchange of resources, allowing for the establishment of strong, predictable, and reciprocal ties with various otherworldly beings. The etiological narratives of sacrilege discussed in the article, as well as the “sacrificial economy” of peasant rituals, allow for the tracing of a single behavioral strategy that forms a special moral relationship with saints and shrines.

Ján Zozulák (Nitra, Slovakia) discusses the topic of “self-sacrifice as the highest form of love” in the Greek ascetic tradition, in particular in the “Philokalia” collection and its reception in the Russian religious culture of the Synodal period. This moral and symbolic understanding of sacrifice and self-sacrifice was quite popular in Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries, undoubtedly making a significant contribution to the formation of secular “languages of sacrifice”. *Alexey Popovich's* (Yekaterinburg, Russia) publication is dedicated to public polemics about Old Believer self-sacrifice at the end of the seventeenth and beginning of the eighteenth centuries. Self-immolations and other alternative forms of ritualized “self-murder” provoked significant disagreements within the Old Believer milieu: some considered “self-willed” death for faith the highest stage of Christian martyrdom, others – “insanity”, “seduction”, and perversion of the ascetic principles of humility and endurance. The polemics under review in this article were one of the most important sources for discourses on self-sacrifice in Russian culture over the subsequent centuries. Research by *Valery Maroshi* (Novosibirsk, Russia) is proof of the statement above. His

article mostly focuses on metaphorical representations of self-immolation in Russian revolutionary ideology during the second half of the nineteenth century and in symbolism. The tropes and rhetorical tools discussed let us see how the construction of an image of secular martyrdom, and the historiosophy connected to it, transformed and subordinated corresponding ideas and practices from religious culture.

The article by *Petr Kovalev* (Orel, Russia) is on Alexander Tvardovsky's poem *The Testament of a Warrior*, a text which follows a Soviet "teleology of self-sacrifice" yet is based not on formulas of mobilization but on a complex system of lyrical statements, where the discussion of those dead with those alive is the main leitmotif. The symbolic presence/resurrection of dead victims is an important part of martyrdom in the context of the memorial culture connected with WWII, the Holocaust, and the Stalinist repressions. In *Galina Egorova's* (Moscow, Russia) research, the main topic is also the Soviet symbolism of self-sacrifice but in a very different ideological and emotional context. Atheistic propaganda during Khrushchev's epoch often used images of religious children and youth as victims of religious "infection" that led to moral and emotional "disabilities." In contrast with Soviet "young pioneer-heroes", propaganda narratives represented young "victims of religion" at the end of the 1950s and the 1960s as creatures possessed with a desperate and all-encompassing sense of fear. This emotional framing shows the transition from glorification to victimization in images of children, which was characteristic of moral panics in the second half of the twentieth and the twenty-first centuries not only in the USSR and post-Soviet countries, but also, for instance, in the USA. The figure of the victim-child (abused by "sect members", "Satanists", "pedophiles", "black transplantologists", "foreign adoptive parents", "suicide clubs", etc.) occupies one of the central places in modern global discourses about social risks and dangers, which once again brings us back to the variability and lability of "languages" of sacrifice and victimisation.

The piece by *Anna Razuvalova* (St Petersburg, Russia) is devoted to contemporary literary representations of political terror during Stalin's period. Here, one can also hear the voices of deceased victims, but, due to the chronological shift, these literary texts have become a form of postmemory. Thus, state violence appears as "inherited trauma", borders between executioners and victims seem partly transparent, and one of society's goals is described as "working through and getting closure" with the past as a particular form of collective psychotherapy leading to social reconciliation. This view on mass violence places itself rather far from the classical rhetoric of "secular martyrdom" and represents in itself a relatively new form of "victimological imagination".

A unique text about the religious culture of the fourteenth century is published in the *Origines* section. This culture is expressed in the calendar system from a handwritten Gospel (BN BOZ 154) stored in the Polish National Library. For the first time ever, the authors *Zofia Szwed* and *Andrzej Narloch* (Poznań, Poland) introduce the whole fragment into academic circulation while expanding and clarifying observations about preserved

Cyrillic heritage. For prosopographic research not only on the history of the Urals but also the history of factories, the publication by *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia) is a major source. The published report, found in the State Archive of Sverdlovsk Region, deals with territorial and human resources at Ural factories during the 1720s and 1730s. These are described with specific career details, including malfeasance.

Interdisciplinary research allows us to see new facets of known phenomena and to apply existing methods to borderline problems. Linguists from Ural Federal University introduce a discussion about the connection between language and culture in the *Dialogus* section. Authors from different countries take part: *Jerzy Bartmiński* (Lublin, Poland), *Elena Berezovich* and *Irina Vepreva* (Yekaterinburg, Russia), *Maria Kovshova*, and *Alexey Shmelev* (Moscow, Russia). Topics include the rationale, terminology, limitations, and possibilities of *ethnolinguistics* (culture in language) and *cultural linguistics* (the place of language in culture). Prospects for further interaction and new research goals are outlined.

The *Disputatio* section also examines the processes of change and the complex correlation between the interests of the individual and state structures.

The replication of textbooks for Russian educational institutions was a condition for the formation of a new cultural paradigm through the acquisition of knowledge in previously unfamiliar spheres of natural science and cultural interactions in the eighteenth century. This topic concerned the Russian emperor Peter the Great. His intentions and their realization are the object of research by *Yury Zaretsky* (Moscow, Russia). The author studies foreign publications for Russia and the publication of Russian textbooks, their circulation, and their circle of readers. He argues for an in-depth exploration of the role of textbooks in Russian cultural transformations in the first decades of the eighteenth century. *Andrey Bogdanov* (Moscow, Russia) researches the complex seventeenth-century historical artefact *Letopisets Vyborom*, which was based on a system of extracting the most important information from ancient chronicles. Codicological research of a list belonging to the scribe Simon Azaryin opens up new sides of the culture of the “rebellious age” in Russian history. Syllabic poetry is situated on the borderline between oral and written traditions. *Alexander Petrov* (Petrozavodsk, Russia) studies its interpretation in the folk culture of the Russian north. The analysis is carried out at the intersection of literary studies, folk studies, and linguistics, allowing the researcher to find new approaches to syllabic poetry and its access to a broader cultural context.

Two of this issue's articles are devoted to F. M. Dostoevsky and his influence on the artistic work of foreign authors. The image of the young Bayard in William Faulkner's novel *Sartoris* is a reflection of the “underground man”, which became archetypal in twentieth-century literature. *Yuri Romanov* (Kharkov, Ukraine), using the theory of archetypes, draws attention to the “underground” matrix that leads the characters of the novel to moral alienation. The adaptation of Dostoevsky's ideas to the Western world and the reception and transformation of his works in Belgium are studied by *Svetlana Čečović*

(Moscow, Russia). This research is based on the analysis of the unpublished preface to the novel *Les Confessions d'un assassin* by Eugène Hins (1839–1923), a Belgian philologist and free-thinker. Here, attention is drawn to the author's anarchic convictions: he sought to fit the ideas of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* into a Western European context. However, his novel was so close to the original source that Ens was accused of plagiarism. The article elaborates on his explanations for referring to the text of the Russian genius.

Valery Yungblud's (Kirov, Russia) concluding article is based on newly discovered archives about the role of Soviet diplomacy in the resolution of the American-Korean conflict in 1968 connected with the seizure of the American reconnaissance ship the USS Pueblo on 23 January. His analysis of the diplomatic documentation reveals the various parties' ability to negotiate and use the situation in the interests of not only nation states, but also of civilization as a whole. The combination of political wisdom and the anticipation of consequences meant that military conflict was avoided, the highest goal of professional diplomacy. Diplomatic history has been discussed in our journal more than once [see: Zaparyi, Antoshin].

The book reviews in the *Controversiae et recensione*s section are dedicated to both Europe and Russia. Yakov Lazarev and Daniil Manin (Yekaterinburg, Russia) talk about T. Sarman's monograph *1715: La France et le monde* (Paris, 2017). This book poses crucial questions about the influence of the 'soft power' of the French Enlightenment on the life of various European regions. Aleksandr Lavrov (Paris, France) appraises the research of Rudolf Boden and Vladimir Berelowich on courses at the University of Strasbourg taught by Christophe Guillaume Coch in the 1770s and 1780s. The work provides a brilliant description of the mutual knowledge and delusions of Europe and Russia. The mismatch of understanding and interpretation demonstrates the dependence of perception on cultural identity. According to the reviewer, the analysis of handwritten manuscripts gives us a unique opportunity to see the "other side of the looking glass" in the creation of historical and cultural stereotypes. Daria Dergacheva's (Barcelona, Spain) book review analyses a collective work on modernization in contemporary Russia, including in politics, economics, and culture. By both foreign and Russian social scientists, the book is a brilliant analysis of the changes that the country has been going through. The reviewer points out the wealth of in-depth research, which compensates for the occasional absence of more up-to-date sources.

Alexander Panchenko
European University at St Petersburg;
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Translated by Anna Dergacheva

Среди многих проблем вопросы подчинения или сопротивления меняющимся обстоятельствам и условиям, адаптивность людей и потенциальные возможности «очеловечить» среду обитания становятся все более актуальными. Границы адаптивности и человеческие возможности сохранения «самостоянья», осмысляемые через обращение к «точкам бифуркации» в истории и культуре, в фокусе четвертого номера QR-2021. В предыдущем номере журнала была поставлена тема интеграции и ассимиляции уроженцев Германии в России и их приспособления к исторической родине в условиях современности [Keller, Redin]. В этом выпуске в разделе *Problema voluminis* представлены материалы по еврейскому населению второй половины XX – начала XXI в. Авторы статей обращаются к описанию конфликтных ситуаций, когда государственная политика и решительно настроенное численно доминирующее окружение, да и сама жизненная логика требуют принять новую идентичность, декларативно диктуемую интересами государства и соблюдаемую из чувства самосохранения. Все исследования основаны на источниках, полученных в ходе опросов населения.

Статья Елены Главацкой и Елизаветы Заболотных (Екатеринбург, Россия) посвящена изучению роли религиозной составляющей для поддержания идентичности евреев на примере свердловской религиозной общины, самой крупной и активной на Урале. На основе анализа отчетов уполномоченного по делам религии и материалов полевых исследований авторы реконструировали элементы и метаморфозы праздничной обрядности городских евреев в 1940–1950-е гг. Ее витальность, основательно упрощенная в условиях преследований и гонений, подпитывала в дальнейшем идентичность евреев, которые, мигрировав в Израиль, продолжали отмечать те национальные праздники, представления о которых сформировались в их советском детстве. В работе Веры Клюевой (Тюмень, Россия) раскрываются основные пути конструирования этнической идентичности советских евреев, существовавшей параллельно с идентичностью советской. Один был обусловлен реакцией на агрессивные паттерны бытового и государственного антисемитизма, при этом способ противостояния давлению человек выбирал индивидуально. Другой путь был связан с семейными традициями, воспроизводимыми на протяжении советского времени (имянаречение в честь родственников, соблюдение отдельных элементов кашрута и национальная кухня). Сохраненная идентичность, хотя и основательно упрощенная в условиях преследований, подпитывала наряду с другими факторами идентичность евреев, мигрировавших в Израиль.

Исследование Анжелы Скляр (Ариэль, Израиль) касается адаптации в Израиле советских евреев, которые 1990-е гг. столкнулись с необходимостью отказаться от своей выстраданной «советско-

еврейской» идентичности. Автор статьи детально рассматривает отношение израильского общества к новым «русским евреям» в стремлении навязать местные ценности и новую идентичность, а также неготовность значительной части мигрантов отказаться от своего «советского прошлого», от русского языка и культуры. Исследовательница утверждает, что сохранение и использование мигрантами языка и культуры страны исхода в процессе адаптации параллельно с новой для них израильской культурой и традициями являются оптимальной моделью культурной интеграции выходцев из бывшего СССР.

Продолжением и заострением темы явилась проблема «Жертва vs жертвенность: религия – политика – культура». В современном русском языке слово «жертва» полисеманлично: оно, согласно словарю Ожегова, означает и «приносимый в дар божеству предмет или живое существо (убиваемое), а также приношение этого дара», и «добровольный отказ от кого-/чего-нибудь в чью-нибудь пользу, самопожертвование», и существо, «страдающее от насилия, несчастия, неудачи». Эта многозначность указывает и на отсутствие языковой рефлексии по поводу модальностей и субъектов социального взаимодействия, и на особое идеологическое значение концепта жертвы в русской культуре последних столетий. В перспективе исторического и культурного эссенциализма России и русским нередко приписывается особая склонность к жертвенности и самопожертвованию, и это дает основание для сравнения академических текстов и идей, которые на первый взгляд кажутся очень далекими друг от друга. В 1995 г. в Нью-Йорке вышла книга американского слависта Дэниела Ранкур-Лаферьера «Рабская душа России», прославившаяся, в частности, тем, что автор вслед за апостолом Андреем из летописного апокрифа полагал, что русская баня – это не столько «мовение», сколько «мучение». «Традиционная покорность и саморазрушительность русской рабской ментальности составляют род мазохизма», выражающегося, в частности, в особой значимости идей жертвы и жертвенности [Rancour-Laferriere, p. 7]. 20 лет спустя была опубликована статья К. В. Цеханской «Идеал жертвенности в русском духовном самосознании», написанная в русле так называемой «православной этнографии». Понимая жертвенность как «особое, неведомое ранее интеллектуально-духовное состояние исповедующей Христа личности», исследовательница утверждает, что «феномен жертвенности... столетиями определял самобытный цивилизационный этнотип русских». Из статьи следует, что русские, осознавая свою «религиозно-метафизическую избранность», занимаясь «историческим попечением сотни малых и больших народов» и взвалив на себя мессианское бремя «историко-культурных и религиозных сверхзадач», были вынуждены постоянно «жертвенно сораспинаться Христу», то есть – в терминах Ранкур-Лаферьера – культивировать моральный и социальный мазохизм,

оказывающийся здесь своего рода платой за мессианское избранничество [Цеханская]. Названным авторам не удается найти значимых подтверждений своим тезисам в истории, за исключением XIX и особенно XX в. Очевидно, что в эпоху, когда технологии массовых убийств и преследований переживают небывалый расцвет, происходит заметная и культурно значимая эволюция «языка» жертвенности и мученичества, имеющего преимущественно секулярную природу [см.: Мінкова; Зыгмонт]. Формирование и развитие этого языка (и в России, и в глобальном контексте) преимущественно обусловлены факторами светского характера: становлением национальных государств и идентичностей, массовой политической мобилизацией, революциями и глобальными войнами.

Российскую историю дискурсов о жертвенности и жертве вряд ли можно считать уникальной, однако она, конечно, обладает и культурной, и идеологической спецификой. Тема остается малоисследованной, анахронистическое использование этих понятий без внимания к конкретным культурным контекстам только запутывает дело: историю представлений о жертвоприношении, жертве и жертвенности даже исключительно в европейском или российском контексте вряд ли стоит рассматривать как линейную, преемственную и непротиворечивую эволюцию понятий и практик. Публикуемые статьи демонстрируют сложный мозаичный характер «языков жертвенности» в русской культуре Нового времени.

Исследование *Александра Панченко* (Санкт-Петербург, Россия) посвящено представлениям о священном, жертве и святотатстве в контексте конкретных обрядовых практик и повествовательных форм, связанных с деревенской праздничной культурой и почитанием местных святынь на севере и северо-западе России. Обряд жертвы в этом контексте указывает не на агрессию и насилие, а на обмен ресурсами, позволяющий наладить прочные, предсказуемые и реципрокные связи с различными потусторонними существами. Обсуждаемые в статье этиологические нарративы о святотатстве, а также «жертвенная экономика» крестьянских ритуалов позволяют проследить единую поведенческую стратегию, формирующую особые моральные отношения со святыми и святынями.

Ян Зозуляк (Нитра, Словакия) обсуждает в своей статье топик «самопожертвования как высшей формы любви» в греческой аскетической традиции, нашедшую, в частности, отражение в сборнике «Добротолюбие», а также ее рецепцию в русской религиозной культуре синодального периода. Это морально-символическое понимание жертвы и самопожертвования пользовалось достаточной популярностью в России второй половины XIX – начала XX в. и, без сомнения, внесло существенный вклад в формирование секулярных «языков жертвенности». Работа *Алексея Поповича* (Екатеринбург, Россия) посвящена общественной полемике о старообрядческой жертвенности конца XVII – начала XVIII в. Самосожжения

и другие ритуализированные формы самоубийства с самого начала вызвали существенные разногласия в старообрядческой среде: одни считали «самовольную» смерть за веру высшей ступенью христианского мученичества, другие – «безумием», «прельщением» и извращением аскетических принципов смирения и терпения. Исследуемая в статье полемика, судя по всему, также оказалась одним из важных источников для дискурсов о жертвенности в русской культуре последующих столетий. На это, в частности, указывает исследование *Валерия Мароши* (Новосибирск, Россия), посвященное преимущественно метафорическим репрезентациям саможжения в идеологии русских революционеров второй половины XIX в. и в литературе символизма. Обсуждаемые в нем тропы и риторические приемы позволяют увидеть, как конструирование образа секулярного мученичества и связанной с ним историософии трансформирует и подчиняет соответствующие идеи и практики, почерпнутые из религиозной культуры.

Статья *Петра Ковалева* (Орел, Россия) посвящена стихотворению Александра Твардовского «Завещание воина» – литературному тексту, следующему советской «телеологии жертвенности», но вместе с тем основанному не на мобилизационных формулах, а на сложной системе лирических высказываний, где лейтмотивом служит разговор мертвых с живыми. Символическое присутствие/воскресение погибших жертв вообще оказывается значимой составляющей топики мученичества в контексте мемориальной культуры, связанной со Второй мировой войной, холокостом и сталинскими репрессиями. В работе *Галины Егоровой* (Москва, Россия) речь также идет о советской символике жертвенности, однако совсем в другом идеологическом и эмоциональном контексте. Атеистическая пропаганда эпохи Хрущева достаточно часто использовала образы верующих детей и молодежи как жертв «религиозной инфекции», приводящей к моральным и эмоциональным «увечьям». В отличие от советских «пионеров-героев», малолетние «жертвы религии» конца 1950-х – 1960-х гг. репрезентируются пропагандистскими нарративами как существа, которыми владеет безысходное и всеобъемлющее чувство страха. Этот эмоциональный режим указывает на переход от героизации к виктимизации детских образов, что вообще характерно для моральных практик второй половины XX – начала XXI в. не только в СССР и постсоветских странах, но, скажем, и в США. Фигура ребенка, оказавшегося жертвой «сектантов», «сатанистов», «педофилов», «черных трансплантологов», «иностранных усыновителей», «клубов самоубийц» и т. п., занимает одно из центральных мест в сегодняшних глобальных дискурсах о социальных рисках и опасностях, что опять-таки возвращает нас к вариативности и лабильности «языков жертвенности».

Статья *Анны Разуваловой* (Санкт-Петербург, Россия) посвящена современным литературным репрезентациям политического терро-

ра сталинского времени. Здесь тоже звучат голоса погибших жертв, однако хронологическое смещение делает исследуемые тексты формой постпамяти, вследствие чего государственное насилие предстает «унаследованной травмой», границы между палачами и жертвами выглядят отчасти проницаемыми, а одной из задач, стоящих перед обществом, оказывается «проработка прошлого» как своеобразная форма коллективной психотерапии, ведущей к социальному примирению. Такой взгляд на массовое насилие уходит довольно далеко от классической риторики «секулярного мученичества» и тоже представляет собой сравнительно новую форму «виктимологического воображения».

В разделе *Origines* публикуется уникальный материал о религиозной культуре XIV в., выраженной в системе календарных праздников, из рукописного Евангелия-апрокоса (BN BOZ 154), хранящегося в Польской национальной библиотеке. Его авторы *София Швед* и *Анджей Нарлох* (Познань, Польша) впервые вводят полный текст фрагмента в научный оборот, расширяя и уточняя наблюдения о сохранившемся кириллическом наследии. Источником сведений для просопографических изысканий, связанных не только с историей Урала, но и с историей заводской управленческой администрации, является публикация *Алевтины Сафроновой* (Екатеринбург, Россия). Ею представлен документальный отчет из госархива Свердловской области. Территориальные и кадровые изменения на уральских заводах в 20–30-х гг. XVIII в. – предмет описания в отчете – конкретизированы с уточнением деталей карьеры, включая должностные преступления бюрократии.

Для современного состояния науки междисциплинарные исследования – тот источник, который позволяет увидеть новые грани известного материала и применять разработанные методы гуманитарных изысканий для пограничных явлений. Лингвисты Уральского университета представили на страницах журнала дискуссию о взаимосвязи языка и культуры (рубрика *Dialogus*). В ней выступили авторы из разных стран: *Ежи Бартминьски* (Люблин, Польша), *Елена Березович* и *Ирина Вепрева* (Екатеринбург, Россия), *Мария Ковшова* и *Алексей Шмелев* (Москва, Россия). В процессе дискуссии обсуждены темы обоснования, терминологии, границ и возможностей этнолингвистики (культуры в языке) и лингвокультурологии (места языка в культуре). Намечены перспективы дальнейшего взаимодействия и новые исследовательские цели.

В рубрике *Disputatio* также рассматриваются процессы изменений и сложной корреляции интересов человека и государственных структур.

Условием становления новой культурной парадигмы через обретение знаний в незнакомых прежде сферах естественнонаучных и культурных взаимодействий XVIII в. было тиражирование учебников для российских учебных заведений. Этот аспект волновал

русского императора Петра Первого. Его замыслы и их воплощение в реальность стали предметом исследования *Юрия Зарецкого* (Москва, Россия). Автор рассматривает иностранные издания для России и публикацию российских учебников, механизм их распространения и круг читателей. Аргументируется необходимость более обстоятельно выявить роль учебной литературы в трансформациях русской культуры первых десятилетий XVIII в. К сложному памятнику исторической мысли XVII в. «Летописец выбором», основанному на системе извлечения наиболее важных сведений из древних летописей, обращается *Андрей Богданов* (Москва, Россия). Кодикологическое исследование списка, принадлежавшего книжнику Симону Азарьину, открывает новые грани культуры «бунташного века». На границе устно-поэтической и книжной традиции находится силлабическая поэзия, к записям ее интерпретаций в народной культуре Русского Севера обращается *Александр Петров* (Петрозаводск, Россия). Анализ текстов ведется на стыке стиховедения, фольклористики, лингвистики, что позволяет найти новые подходы к феномену силлабического стиха и к его возможному вхождению в более широкий культурный контекст.

Две статьи в журнале посвящены Ф. М. Достоевскому и его влиянию на творчество зарубежных авторов. Раскрытием феномена «человека из подполья», ставшего архетипическим для литературы XX в., предстает образ молодого Баярда в романе У. Фолкнера «Сарторис». В статье *Юрия Романова* (Харьков, Украина) на основе теории архетипов обращено внимание на «подпольную» матрицу, приводящую героев романа к нравственному отчуждению. Адаптация идей Достоевского к западному миру, формы рецепции и трансформации его произведений в Бельгии изучаются в работе *Светланы Чечович* (Москва, Россия). На основе анализа неопубликованного предисловия к роману «Исповедь убийцы» Эжена Энса (1839–1923), бельгийского филолога и вольнодумца, заостряется внимание на анархических убеждениях автора, стремившегося вписать идеи романа Достоевского «Преступление и наказание» в западноевропейский контекст. Это получилось настолько созвучно первоисточнику, что Энса обвинили в плагиате. В статье раскрываются его объяснения о цели обращения к гениальному тексту.

В завершающей раздел статье *Валерия Юнгблюда* (Киров, Россия) на основании новых архивных материалов выясняется роль дипломатии Советского Союза в разрешении американо-корейского конфликта 1968 г., связанного с захватом 23 января американского разведывательного корабля «Пуэбло». Анализ дипломатических документов показывает умение договариваться и использовать ситуацию в интересах не только государств, но и земной цивилизации. Избежать военного столкновения позволило сочетание политической мудрости и предвидение последствий, что и есть высшая оценка

профессиональной дипломатии. Тема истории дипломатии поднималась в журнале неоднократно [см.: Zapariy, Antoshin].

В рубрике *Controversiae et recensione*s представлены три обзора работ, посвященных Европе и России. *Яков Лазарев* и *Даниил Манин* (Екатеринбург, Россия) рассуждают о монографии Т. Сармана «1715: La France et le monde» (Paris, 2017), в которой поставлены важные для современности вопросы о влиянии «мягкой силы» французского Просвещения и культуры на изменения в жизни различных европейских регионов. Исследование Родольфа Бодена и Владимира Береловича о значении учебного университетского курса, прочитанного Кристофом Гийомом Кохом в Страсбургском университете в 1770–1780-х гг. (Strasbourg, 2018), высоко оценил *Александр Лавров* (Париж, Франция). Источник дает блистательный материал о перекрестных знаниях и заблуждениях Европы и России. Несовпадение понимания и трактовки слушателями демонстрирует зависимость восприятия от культурной идентичности. Анализ рукописных материалов, проделанный исследователями, дает, по мнению рецензента, редкую возможность увидеть «зазеркалье», преследующее стереотипные образы в изложении. В статье *Дарьи Дергачевой* (Барселона, Испания) последовательно анализируются материалы коллективного сборника на тему модернизационных процессов в современной России, включающих политику, экономику и культуру. Это серьезная заявка на объективную оценку произошедших изменений, увиденных глазами как зарубежных, так и отечественных специалистов. Автор отзыва видит глубокое достоинство в стереоскопичности представленного в сборнике материала, которое перевешивает недостаток современных источников.

Александр Панченко

Европейский университет в Санкт-Петербурге;
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия;

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

Зыгмонт А. И. Существует ли «секулярное мученичество»? К вопросу о демаркации проблемных феноменов жертвенности // Шаги-Steps. Т. 7. 2021. № 2. С. 244–267. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7–2–244–267.

Цеханская К. В. Идеал жертвенности в русском религиозном самосознании // Евразийский союз ученых. 2015. № 11 (20). С. 76–85.

Keller A., Redin D. On Method, Research, and Truth // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 3. P. 783–794. DOI 10.15826/qr.2021.3.609.

Minkova Yu. Making Martyrs: The Language of Sacrifice in Russian Culture from Stalin to Putin. Rochester : Univ. of Rochester Press, 2018. 246 p.

Rancour-Laferriere D. The Slave Soul of Russia : Moral Masochism and the Cult of Suffering. N. Y. ; L. : N. Y. Univ. Press, 1995. 344 p.

Zapariy Y., Antoshin A. Strategies and Devices of Russian Politics: History and Modernity // *Quaestio Rossica*. T. 8. 2020. № 2. P. 341–352. DOI 10.15826/qr.2020.2.466.

References

Keller, A., Redin, D. (2021). On Method, Research, and Truth. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 3, pp. 783–794. DOI 10.15826/qr.2021.3.609.

Minkova, Yu. (2018). *Making Martyrs: The Language of Sacrifice in Russian Culture from Stalin to Putin*. Rochester, Univ. of Rochester Press. 246 p.

Rancour-Laferrriere, D. (1995). *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*. N. Y., L., N. Y. Univ. Press. 344 p.

Tsekhanskaya, K. V. (2015). Ideal zhertvennosti v russkom religioznom samosoznanii [The Ideal of Sacrifice in Russian Religious Consciousness]. In *Evraziiskii soyuz uchenykh*. No. 11 (20), pp. 76–85.

Zapariy, Y., Antoshin, A. (2020). Strategies and Devices of Russian Politics: History and Modernity. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2, pp. 341–352. DOI 10.15826/qr.2020.2.466.

Zygmunt, A. I. (2021). Sushchestvuet li “sekulyarnoe muchenichestvo”? K voprosu o demarkatsii problemnykh fenomenov zhertvennosti [Is There “Secular Martyrdom”? On the Issue of Demarcating Problematic Sacrificial Phenomena]. In *Shagi/Steps*. Vol. 7. No. 2, pp. 244–267. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7–2–244–267.